

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)6-4

В.С. Брачев

«ДЕЛО» ПРОФЕССОРА С.И. КОВАЛЁВА (1886–1960)

Данная статья – первая работа, посвященная одной из самых трагических страниц жизни профессора-античника Ленинградского университета С.И. Ковалёва, связанной с его арестом в 1938 году и заключением во внутреннюю тюрьму Управления государственной безопасности НКВД СССР. Автор показывает, что признательные показания С.И. Ковалёва о его якобы принадлежности к контрреволюционной террористической меньшевистской организации, в которых он оговорил не только себя, но и своих коллег, были «выбиты» у него путем угроз, брани и истязаний со стороны следователей. Расстрельного приговора в этих условиях С.И. Ковалёву и его однодельцам было не избежать. К счастью, они воспользовались смягчением репрессий после отставки Н.И. Ежова («бериевская оттепель») и нашли в себе мужество отказаться от данных ранее показаний. В результате дело, сфабрикованное чекистами по ежовским лекалам 1937 года, в новых условиях стало разваливаться, и в январе 1940 года большая часть обвиняемых, в том числе С.И. Ковалёв, были освобождены.

Ключевые слова:

история древней Греции и Рима, Сергей Иванович Ковалёв, Ленинградский университет, политические репрессии в СССР.

Брачев В.С. «Дело» профессора С.И. Ковалёва (1886–1960). // Общество. Среда. Развитие. – 2020, № 2. – С. 3–7.

© Брачев Виктор Степанович – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, e-mail: V.Brachev@yandex.ru

Научные труды профессора Ленинградского университета Сергея Ивановича Ковалёва как одного из крупнейших советских историков Древней Греции и Рима (список опубликованных научных трудов ученого насчитывает 138 названий) [8, с. 239–243] хорошо известны специалистам. Другое дело – обстоятельная научная биография ученого, которая практически отсутствует. Более того, из знакомства с литературой о С.И. Ковалёве [7, с. 361–364; 8, с. 5–20; 11, с. 93–111] складывается устойчивое впечатление о некоей гладкости, даже благополучии жизненного пути ученого. На самом деле это далеко не так, и при более внимательном взгляде на научную биографию и перипетии жизненного пути профессора в них вполне можно обнаружить немало количество не только т.н. «белых пятен», но и драматических, даже трагических страниц. Об одной из них, связанной с неожиданным арестом ученого в 1938 году и пойдет речь в данной статье.

Родился он 25(13) сентября 1886 года в семье управляющего именем в селе Большой Куганак Куганакской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. После окончания в 1922 году исторического отделения факультета общественных наук Петроградского университета преподавал всеобщую историю в ряде учебных заведений Ленинграда. Известность получил в конце 1920-х – начале 1930-х годов активным участием в работе по внедрению марксизма в науку об античности. В 1934 году возглавил кафедру древней истории в Ленинградском университете.

«Взяли» его 11 июня 1938 года. Уже в ходе первых допросов работавшие с Ковалёвым следователи потребовали от него признательных показаний о принадлежности к некоей контрреволюционной организации «Ленинградский меньшевистский центр», перешедшей по директиве Заграничной делегации меньшевиков к непосредственной подготовке террори-

4 стических актов против руководителей ВКП(б) и Советского государства.

Среди предполагаемых членов этой организации у чекистов значились:

1. Вознесенский Сергей Валерианович, 1894 г.р., историк, профессор Ленинградского Педагогического института им. А.И. Герцена;

2. Захер Яков Михайлович, 1893 г.р., историк, профессор Ленинградского Педагогического института им. А.И. Герцена;

3. Розенберг Александр Хаимович, 1900 г.р., историк, профессор ЛГУ и Ленинградского Педагогического института им. А.И. Герцена;

4. Шебунин Андрей Николаевич, 1887 г.р., доцент ЛГУ, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР;

5. Андреев Николай Николаевич, 1876 г.р., историк, профессор Педагогического института им. М.Н. Покровского;

6. Балабанов Михаил Соломонович, 1873 г.р., профессор, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР;

7. Мартынов Михаил Николаевич, 1889 г.р., доцент Ленинградского государственного университета;

8. Соколов Павел Федорович, 1906 г.р., историк, методист Ленинградского лектория;

9. Веллер Адольф (Адам) Вениаминович, 1885 г.р., юрист, консультант Ленинградского коопсоюза;

10. Крюгер Отто Оскарович, 1893 г.р., историк, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Педагогического института им. М.Н. Покровского

и ряд других лиц из числа вузовских и академических работников Ленинграда.

Как водится в таких случаях, С.И. Ковалев решительно отрицал свою принадлежность к террористической организации. Однако после ряда жестоких избиений со стороны следователя Колодяжного, вынужден был «разоружиться» и начал давать так называемые признательные показания, в которых оговорил не только себя, но и своих товарищей по несчастью. Сам С.И. Ковалев так объяснял случившееся: «Арест смял мою психику. Заключение в камере меня информировали о методах следствия и я уже был подготовлен к этому. Следователь Колодяжный стал меня истязать. Я не знал в чем я обвиняюсь и что от меня хотят. Мне показали отрывки из показаний Стратановского и Вознесенского.

Тогда я понял, что от меня хотят. Будучи квалифицированным человеком и политически и исторически, я стал писать вымысел, т.к. для меня это не составляло

никакого труда. Я писал о политически мертвых людях, т.к. я не хотел гнусно клеветать на честных людей. Я показывал на уже репрессированных. Меня допрашивали следователи Рудаков и Еремин. Требования следствия росли и я должен был указывать всё новых и новых лиц.

Будучи информированным заключенными о методах следствия я почувствовал на себе эти методы. Я «разоружился» и стал давать показания. Тогда со стороны следствия посыпались всяческие блага: я стал получать передачи и был обеспечен всеми удобствами. В меня была вбита мысль, что я обречен, уличен и что я должен все признать. Все это сопровождалось бранью и угрозами. Это обращение со мной и обстановка камеры сделали своё дело: я стал лгать» [1, т. 4, л. 491].

Тем временем Большой террор 1937–1938 годов в ходе которого за т.н. «контрреволюционные преступления» было расстреляно 681 тысяча 692 человека и 663 тысячи 231 человек отправлены в концлагеря [10, с. 76–78], достиг, можно сказать, своего апогея и начал выдыхаться. Все т.н. неблагонадежные элементы были уже либо уничтожены, либо сидели в лагерях, и дальнейшее продолжение террора против собственного народа в таких беспрецедентных масштабах уже не имело смысла и даже представляло определенную опасность для самой власти.

Собственно, с этим и было связано появление 17 ноября 1938 года, можно сказать, исторического постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» с осуждением нарушений социалистической законности в этой области и принятых властью мер по их устранению. Наиболее существенные из них сводились к тому, что следственные действия в отношении лиц, проходящих по делам о преступлениях контрреволюционного характера, были теперь поставлены под надзор прокуратуры. Практиковавшееся ранее рассмотрение таких дел в упрощенном порядке было прекращено, а штамповавшие расстрельные приговоры «тройки» и «особые совещания» упразднены. Само рассмотрение таких дел передавалось в военные трибуналы и в Военную коллегия Верховного суда СССР. Стало очевидно, что дни «ежовщины» подходят к концу. И, действительно, уже 23 ноября 1938 года Н.И. Ежов вынужден был написать И.В.Сталину свое заявление об отставке. 24 ноября она была принята. Новым наркомом внутренних дел был назначен Л.П. Берия, начавший, как того и следовало ожидать, свою деятельность с кадровой чистки доставшегося ему от предшественника наследства.

В Ленинградском управлении НКВД СССР это нашло своё выражение в прекращении ряда ранее начатых дел и, практически, полной смене руководства, начиная с его начальника М.И. Литвина, который застрелился 12 ноября, опасаясь ареста (его сменил ставленник А.П. Берии С.А. Гоглидзе), и кончая начальниками отделов и отделений. Сменились и работавшие с арестованными следователи, которые в отличие от предшественников, вели себя на допросах более корректно.

Резко сократилось (буквально во много раз) количество расстрельных приговоров в стране: если в 1938 году их было вынесено 328 618, то в следующем 1939-м, уже при А.П. Берии – 2 552, а в 1940-м и того меньше – 1 649 [10, с. 76–78]. Конечно же, решение о свертывании террора принимал не А.П. Берия, а высшее руководство страны в лице И.В. Сталина, но в исторической литературе это время (конец 1938 – первая половина 1941 гг.) получило условное название бериевская оттепель».

Смягчение репрессивной политики власти открывало для С.И. Ковалева и его коллег, пусть и во многом иллюзорную, но все же надежду на освобождение. Но для этого им надо было проявить принципиальность, волю и мужество чтобы найти в себе силы решительно отказаться от выбитых у них ранее признательных показаний. Первым на это решился 9 января 1939 года профессор С.В. Вознесенский [1, т. 5, л. 489], а затем, убедившись, что ничего страшного с ним не произошло, его примеру последовали другие.

И дело, как оказалось, того стоило, т.к. выделенные в особые делопроизводства следственные действия в отношении уже известных нам М.С. Балабанова, А.Ф. Веллера, О.А. Крюгера, А.Х. Розенберга и ряд других лиц были все-таки прекращены, а сами они освобождены из-под стражи. Их архивно-следственные дела еще ждут своего исследователя. Однако в отношении шестерых подсудимых: Ковалева С.И. (арестован 11.06.1938 г.), Вознесенского С.В. (арестован 18.04.1938 г.), Захера Я.М. (арестован 09.10.1938 г.), Шебунина А.Н. (арестован 11.02.1938 г.), Мартынова М.Н. (арестован 10.06.1938 г.), Андреева Н.И. (арестован 29.07.1938 г.) следствие решило идти до конца и довести их «дело» до суда [1, т. 5, л. 472].

Что касается С.И. Ковалева, то он оказался в этой компании не в силу особой тяжести инкриминируемых ему преступлений, а скорее из-за слабости своего характера, т.к. на отказ от своих «признательных» показаний решился только 5 июня 1939 года [1, т. 5, с. 493], т.е. едва ли не по-

следним и на очных ставках с «отказниками» С.В. Вознесенским и А.Х. Розенбергом в присутствии помощника военного прокурора ЛВО военюриста 1 ранга Колоколова продолжал настаивать на данных им ранее против них клеветнических измышлений. «Да, – заявил он на очной ставке с С.В. Вознесенским, – мои показания верны и соответствуют действительности. Показания даю с целью разоружения и раскаявания о своей преступной работе, проводившейся против ВКП (б) и Советского государства» [1, т. 3, л. 309]. Сам С.И. позже, на суде эту странность своего поведения объяснял тем, что был запуган и «все еще находился под своеобразным гипнозом обстановки следствия. Я не мог от этого отделаться» [1, т. 5, л. 492], – оправдывался он.

Обвинительное заключение по делу С.И. Ковалева и его товарищей (дело № 42085-38 г.), в основе которого уже известная нам версия о принадлежности подсудимых к меньшевистской контрреволюционной террористической организации, было утверждено зам. начальника Управления НКВД по Ленинградской области Логуновым 21 мая 1939 года [1, т. 5, л. 472].

Непосредственно С.И. Ковалеву в вину была поставлена принадлежность к этой организации, проведение вербовки ее новых членов среди студентов и вредительство на научно-теоретическом фронте. Был связан, утверждалось в обвинительном заключении, с участниками троцкистского подполья в Ленинграде Зайделем, Цвибаком, Пригожиным и др., был осведомлен о директиве Заграничной делегации меньшевиков, требовавшей применение террора против руководителей ВКП(б) и Советского правительства [1, т. 5, л. 404].

В условиях официального отказа подсудимых от данных ими ранее признательных показаний, зафиксированных в присутствии помощника прокурора ЛВО и их заявлений об истязаниях, которым они подвергались в ходе следствия, передача этого дела в суд на рассмотрение в Военном трибунале ЛВО, да ещё с участием защитников и вызванных ими свидетелей, таила в себе большой риск. Тем не менее, в силу ряда причин, о которых мы можем только догадываться, руководство следственной части УГБ НКВД ЛО на это все же пошло. И результат, как говорится, не заставил себя долго ждать.

Уже на первом заседании Военного трибунала 14 сентября 1939 года подсудимые, все как один, не только отказались от выбитых у них ранее показаний, но и заявили при этом о жестоких истязаниях, которым они подвергались в ходе допросов: стояние «раком», битье кулаками по

6 | шее, спине и пр. [2, с. 154]. Конечно же, информация о жестоких избиениях подследственных в ходе допросов ни для кого не была секретом. Но говорить об этом вслух никто не решался. А тут вдруг такое.

Что касается С.И. Ковалева, то характерные для него в первые месяцы пребывания под арестом страх и уныние ушли в прошлое. «Я, – заявил он на суде, – ни в какой контрреволюционной организации никогда не состоял». Поведав далее суду о жестоких истязаниях со стороны следователей и тяжелой, унижительной обстановке, в которой велось следствие (угрозы, нецензурная брань), С.И. Ковалев не только подтвердил свой отказ от данных им ранее признательных показаний, но и счел необходимым подчеркнуть свои заслуги перед Советской властью, обратив внимание суда на то, что Уфимская социал-демократическая организация, в которой он состоял в 1904–1905 гг. отличалась большевистским уклоном. «Я даже тогда ушел из гимназии, т.к. решил, что не время заниматься наукой, нужно делать революцию. Я себя считал и считаю непартийным большевиком. <...> Я всю свою жизнь боролся с меньшевиками» [1, т. 5, с. 493], – заявил С.И. Ковалев.

«У меня имеется около 25 научных трудов. И можно же эти работы проанализировать и установить – протаскивал я когда либо меньшевизм или нет. Для этого я и просил суд пригласить квалифицированную экспертную комиссию. В мае 1933 года на пленарном заседании античного института ГАИМКа я выступил с докладом, где развивал тезис товарища Сталина в его выступлении на 1 съезде колхозников о том, что «революция рабов» привела к уничтожению рабовладельческого строя. Там же я развивал концепцию Каутского, что «античность не знает революций» и концепцию Ростовцева, где он доказывает, что «большевики всегда губили культуру».

Отвечая далее на вопрос члена коллегии защитников Сегаль, С.И. Ковалев пояснил, что его показания на предварительном следствии о своем вредительстве в ходе работы над составлением нового учебника по древней истории не соответствуют действительности. «С 1934 года я работал над составлением этого учебника, переработал пять вариантов и представил в Москву. Дело это нелегкое и тянулось с 1934 года по сегодняшний день. В своих показаниях на следствии я вынужден был говорить, что я дело это умышленно затягивал и тем самым проводил вредительство. Конечно это абсурд» [1, т. 5, л. 493].

«По служебной деятельности, – продолжал он, отвечая на вопрос защитника Зи-

мина, – я встречался со всеми подсудимыми по этому делу за исключением Шебунина. С Шебуниным я даже не знаком. У подсудимого Захера я был два раза в гостях и он у меня один раз. С другими же подсудимыми было общее, шапочное знакомство. Розенберг на очной ставке со мной меня, буквально, «припер к стене» и он меня совершенно правильно и справедливо разоблачал как лжеца. Я ничего не мог сделать, т.к. соответствующей обработкой со стороны следствия я был вынужден лгать. Вознесенского знаю приблизительно с 1919 года. Никаких личных отношений между нами не было. С ним у меня был однажды разговор в вестибюле университета, о том, что он вместе с Дейчем был у Дзержинского, где беседовал с ним о сохранении меньшевистской группы. Я уверен, что Вознесенский был враждебен с Зайдедем, Пригожиным, Лозинским и Томсинским» [1, т. 5, л. 494].

Отвечая далее на вопросы суда, С.И. Ковалев пояснил: «На Магазинера, Веллера, Балабанова я показывал неправду. У меня были очные ставки со всеми тремя. Я тогда придерживался ложных своих показаний. Балабанов и Веллер признавали мои показания, а Магазинер отрицал». Вынужденными и ложными, – по словам С.И. Ковалева, являются и его показания на следствии, якобы контрреволюционной деятельности студентов Шварца, Ботвинника, Лампсакова и Гилельсона. На самом деле все они никогда не были контрреволюционерами. «О Ракове я давал показания, что его завербовал в контрреволюционную меньшевистскую организацию, а на самом деле этого никогда не было. Раков – мой ученик, историк Древнего Рима. У него была слабость – ужасно любил историю военного дела и занимался он этим делом, больше, чем своим прямым делом. Я неоднократно над ним подшучивал, что он слишком много занимается «солдатиками». О его контрреволюционной деятельности в связи с увлечением военным делом я ничего не знал» [1, т. 5, л. 539].

Мужественное поведение обвиняемых, грамотно, профессионально выстроенная линия защиты в лице Н.П. Успенского, Сегал и Зимина, абсурдность обвинения и вопиющие огрехи следствия привели к тому, что состряпанное наспех чекистами по лекалам 1937–1938 гг. дело о Ленинградском меньшевистском центре стало разваливаться в суде буквально на глазах. В создавшейся ситуации, когда судить обвиняемых за преступление, которое они не совершали, было неудобно, а освободить их в зале суда страшно (вызов системе), предложение защиты о направлении этого дела на доследование устраивало, кажется, всех.

Оно и легло в основу принятого поздно вечером 15 сентября 1938 года Определения закрытого судебного заседания Военной Коллегии АВО под председательством военного юриста 1 ранга Гаврилова: возратить дело <...> в Военную прокуратуру АВО для доследования по указанным обстоятельствам. Мера пресечения в отношении всех шести обвиняемых оставить прежней, т.е. содержание их под стражей» [1, т. 5, л. 541].

Поскольку от своих признательных показаний все подсудимые дружно отказались, а какими-либо другими доказательствами следствие не располагало, было очевидно, что доследовать, собственно, нечего. После ряда формальных допросов обвиняемых уже в январе 1940 года дело о Ленинградском меньшевистском центре было прекращено, а проходившие по нему лица вышли на свободу, за исключением А.Н. Шебунина и Я.М. Захера [3, с. 45], которые были осуждены (С.В. Вознесенский умер в тюрьме) [2, с. 155].

Главной задачей С.И. Ковалева после прекращения 24 января 1940 года его дела (освобожден 26 января) было возвращение на родную кафедру в университете, что ему, в результате и удалось.

Из читаемых С.И. Ковалевым в университете в послевоенные годы курсов помимо истории Древнего Рима особым вниманием студентов пользовались лекции по истории христианства в античную эпоху и историографии античности. «Ни до, ни после него, – отмечает слушавший их еще в самом начале 1950-х г. в качестве студента истфака профессор Э.Д. Фролов, – я никогда не видел столь совершенного воплощения университетского профессора. Не то, что бы он был важен и недоступен; нет, с ним всегда можно было вступить в разговор и даже посоветоваться по поводу трудностей. Но его доступность

сочеталась с удивительным достоинством. В нем не было странностей, нередко, увы, присущих тем, кто читает лекции: ни невнятности В.В. Мавродина, ни странного тонкого фальцета В.В. Струве, ни столь же странного, но скрипучего голоса К.М. Колобовой, ни их внешней неказистости. Конечно это были крупные ученые. <...> Но как преподаватели – и в лекциях своих, и в прочем университетском обиходе они всегда казались мне какими-то ущербными, и только Ковалев, безусловно, отвечал моим представлениям о профессоре с большой буквы» [12, с. 111].

В научном плане крупнейшим достижением С.И. Ковалева суждено было стать вышедшей в 1948 году его фундаментальной (свыше 800 с.) «Историей Рима» – один из наиболее содержательных учебных курсов по древней истории, опубликованных в советское время. Ряд статей ученого второй половины 1940–1950 гг. посвящен монархии Александра Македонского, движению Спартака, происхождению патрициев и плебеев, социальным отношениям в Западной Римской империи III–V веков и периодизации истории Древнего Рима.

В связи с устойчивым интересом ученого к происхождению христианства [5] и личности Христа [4] следует, видимо, поставить принятие им 11 мая 1956 года назначения на должность директора Музея истории религии и атеизма в Ленинграде. Чуть раньше, 28 марта этого же года он был переведен на истфаке университета на 0,5 профессорской ставки с оставлением за ним, впрочем, должности заведующего кафедрой Истории Древней Греции и Рима [9, л. 80]. Был ли связан окончательный уход С.И. Ковалева из университета 20 ноября 1958 года [9, л. 94] с ухудшением здоровья ученого или на то были другие причины, мы не знаем. Умер он 12 ноября 1960 года в возрасте 74 лет.

Список литературы:

- [1] Архив УФСБ по Санкт Петербургу и Ленинградской области. Дело № П-19801. В 6-и томах. По обвинению Ковалева С.И. и других.
- [2] Брачев В.С. «Дело» профессора С.В. Вознесенского // Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал. Т. 9. – 2019, вып. 1.
- [3] Брачев В.С. Дело Я.М. Захера // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 2. – С. 41–45.
- [4] Ковалев С.И. Миф о Христе. – Л., 1954.
- [5] Ковалев С.И. Происхождение христианства. – Л., 1948.
- [6] Ковалева Е.В., Кубланов М.М.. Библиография работ С.И. Ковалева // Ковалев С.И. Основные вопросы происхождения христианства. – М.–Л., 1964.
- [7] Колобова К.М. Профессор С.И. Ковалев (1886–1960) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 5. – Л., 1961.
- [8] Кубланов М.М., С.И. Ковалев (1886. Т. 5. 1960) // Ковалев С.И. Основные вопросы происхождения христианства. – М.–Л., 1964.
- [9] Объединенный архив Санкт Петербургского университета. – Ф. 1. Дело № 325 (Ковалев С.И.).
- [10] Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1 (март 1953 – февраль 1956 г.г.). – М., 2000.
- [11] Фролов Э.Д. Русская наука об античности. (Историографические очерки). – СПб., 1999.
- [12] Фролов Э.Д. Сергей Иванович Ковалев // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и средние века. – М.: Наука, 2004.